

Из истории естествознания

С. С. ИЛИЗАРОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ АКАДЕМИКЕ Г. Ф. МИЛЛЕРЕ, ЕГО НАСЛЕДИИ, ДРУЗЬЯХ И НЕДРУГАХ

Первый закон истории – ни под каким видом не допускать лжи; затем – ни в коем случае не бояться правды; не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы.

Цицерон. «Об ораторе». II. 15. 62–63

В январе прошлого года, работая в читальном зале Санкт-Петербургского филиала архива РАН (ПФА РАН), я знакомился с документами об одном ныне практически забытом академическом деятеле XVIII столетия – профессоре Георге Фридрихе Федоровиче. Этот малозначительный исторический персонаж привлек мое внимание прежде всего потому, что он был автором трех опубликованных сочинений, имевших весьма своеобразное название¹. И надо же случиться такому совпадению: когда я как зачарованный вчитывался в старинные архивные листы, открывая для себя историю последнего навязанного Г. Ф. Миллеру конфликта с коллегами по Академии наук, меня отвлекла Ирина Владимировна Тункина – директор ПФА РАН. Она протянула мне небольшую стопку бумаги со словами о том, что это ее статья о Миллере и она хотела бы предложить ВИЕТ. Я быстро прочитал статью, в которой мелькнуло и имя Федоровича, и сказал автору, что совершенно не согласен с ее содержанием, но готов рекомендовать нашему журналу и буду предлагать публикацию в сопровождении своих комментариев. И. В. Тункина согласилась на такой вариант, и теперь после одобрения редколлегией ВИЕТ этот материал дошел до читателя.

Уникальный по количеству, разнообразию содержания, полноте и сохранности личный фонд великого русского ученого XVIII в. академика Г. Ф. Миллера действительно уже не одно столетие вызывает пристальный интерес исследователей, работающих в самых разных областях знания. И вовсе не прошедший недавно 300-летний юбилей послужил поводом для высказываний о том, что спустя несколько десятилетий после кончины Миллера и императрицы Екатерины Великой, купившей его собрание для хранения в одном месте –

¹ [Федорович Г. Ф.] Забавы при слабом здравии. Известие о юбилеях или торжественных годах, переведено сочинителем Латинского подлинника. SPb., 1778; Г. Ф. Миллер. Забавы при слабом здравии. Известие о путешествии, приезде, принятии, и пребывании, наук в России. Ничего нового из Африки? Ничего! [СПб.,] 1780; Г. Ф. Миллер. Мысли на иностранном мыслящему языке. Живучи в Риме живи по Римскому обычаю. Свет есть училище, чело-век ученик, Разум учитель, благополучие цель. Учению конца нет. СПб., 1783. Экземпляры последних двух сочинений Г. Ф. Федоровича, очевидно, сохранились только в БАН (конволют № 30481-30434).

в Московском архиве Коллегии иностранных дел (МАКИД), произошло противоправное разделение данного фонда. Внимание на это обращалось давно и неоднократно. Но ни авторы прошлых веков, ни новейшие, включая тех, на которых ссылается И. В. Тункина, никогда не высказывали сомнения в правомерности нахождения части некогда единого фонда Миллера в ПФА РАН. Поэтому весь пафос текста И. В. Тункиной, направленный на то, чтобы доказать неправомерность якобы высказанных претензий «москвичей» к «Петербургу» (так в статье не говорится, но подтекст, на мой взгляд, очевиден), безоснователен². Автор статьи, видимо увлеченный борьбой с теми, кто, по ее мнению, посягает на петербургскую часть архива Миллера, выдвигает в его адрес систему ложных и тенденциозных обвинений, выстроенных на односторонних и замшелых псевдооснованиях, с целью показать нелицеприятную сущность ученого, который в ее статье выступает проходимцем, фактически обокравшим государственное учреждение – Академию наук и продавшим украденное тому же государству. Надо сразу же отметить, что в такой экспрессивной форме высказанное И. В. Тункиной положение, безусловно, является новым словом в миллероведении и в историографии истории русской науки и культуры XVIII столетия.

Статья И. В. Тункиной открывается рядом утверждений, изображающих Миллера как человека, который в силу своего особого служебного положения, используя лазейки, а то и попросту нарушая закон в корыстных целях, собирал документальные материалы для пополнения личного собрания. Так ли это? Попробуем разобрать выдвинутые обвинения.

Г. Ф. Миллер считается первым архивистом Академии наук, поскольку 6 января 1728 г. распоряжением президента Л. Л. Блюментроста он был освобожден от преподавания в академической гимназии и определен «к архиву и для сочинения немецких курантов»³. Однако что означает запись «определить к архиву» – судить трудно, так как собственно архива в структуре Академии тогда еще не существовало; не было и должности «руководителя академического архива»⁴. С 1728 по июль 1730 гг., в связи с отъездом Хр. Гольдбаха

² Не ставя своей задачей выяснение мотивов, породивших данную статью и ее специфическое содержание, хочу отметить, что ее появление для меня было весьма неожиданным. Дело в том, что 15 декабря 2005 г., перед торжественным открытием в Выставочном зале Федеральных архивов выставки «От Рейна до Камчатки (к 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера)», я поделился с И. В. Тункиной, ее коллегой М. Р. Рыженковым (директором РГАДА) и руководителем Федерального архивного агентства членом-корреспондентом РАН В. П. Козловым только что родившейся идеей. Проходившие накануне два дня юбилейной конференции, общение с коллегами, занимающимися изучением жизни и творчества Г. Ф. Миллера, укрепили меня в давно оформившемся убеждении в нереальности силами одного человека освоить наследие этого ученого. Одна из основных причин заключается в раздробленности его фонда между разными городами и несколькими хранилищами. Понимая полную невозможность физического воссоздания целостного фонда, я и предложил тогда идею коллективного межведомственного проекта полномасштабной виртуальной реконструкции некогда единого собрания Г. Ф. Миллера. Я до сих пор считаю, что такая работа неизбежно рано или поздно должна быть выполнена.

³ Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 346.

⁴ См. штатное расписание академиков и академических служителей на 1730 и 1731 гг. Материалы для истории... С. 648–656. Кстати, Миллер здесь сначала назван «адъюнктом элоквенции и истории», а на 1731 г. записан – «профессор экстраординарный элоквенции и истории».

в Москву, Г. Ф. Миллер исполнял его обязанности конференц-секретаря (в документах тех лет он писался просто «секретарь»). В одной из автобиографий середины 1770-х гг. Миллер, называя тогдашнюю свою должность «вице-секретарскою», пояснял:

Должность моя была: записка того, что делается в академических собраниях, репортовать о том обретающемуся в Москве господину президенту, исполнять по присланному от него ко мне приказаниям, иметь корреспонденцию с иностранными учеными людьми и издавать в печать Академические Комментарии⁵.

Как видно, исключительно точный в деталях, Миллер ни одним словом не обмолвился об архиве.

В «Истории Академии наук» Миллер вспоминал:

Как раз в это время господин президент поручил мне вести протоколы академических конференций, писать ежедневные сообщения и надзирать над книгопечатанием. За счет этого я был освобожден от учебных часов в гимназии. Помимо того, господин Шумахер привлек меня, во-первых, в помощь Канцелярии для ведения немецкой переписки; во-вторых, к делам библиотеки. Я помогал переместить ее в новое здание и привести в порядок, а теперь я еще выдавал книги и, когда их возвращали, ставил их на соответствующие места. Я писал примечания к русскоязычным газетам. Также мне пришлось заботиться и о многих других делах, в том числе о печатании «Записок Академии» и «Центурий» Буксбаума, о переводе на русский язык «Лексикона» Вайсмана и оглавления первой части «Записок Академии», об отправке книг, об обеспечении работой различных художников, ремесленников, граверов, и кроме того я должен был внимательно смотреть, чтобы господин Шумахер не затруднял бы всю эту работу⁶.

Первую половину 1730 г. Г. Ф. Миллер замещал уехавшего в Москву И. Д. Шумахера и, соответственно, исполнял должность руководителя академической Канцелярии. Из его административных обязанностей можно также упомянуть должность суббиблиотекаря, а также редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и первого русского журнала «Примечания на Ведомости». С августа 1730 по август 1731 г. Миллер был в зарубежной командировке, а по возвращении в Санкт-Петербург молодой профессор истории в основном занимался преподавательско-исследовательской работой. Частичной смене сферы деятельности способствовала и начавшаяся вражда Шумахера к Миллеру, которая никогда с тех пор не ослабевала⁷. Миллер

⁵ Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899. С. 136; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 147.

⁶ Миллер Г. Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 573.

⁷ Причины и мотивы такого отношения Шумахера не совсем ясны. Первоначально он имел виды на Миллера как на своего будущего зятя, однако ситуация вскоре переменялась, и сказать, имеется ли здесь прямая причинно-следственная связь, затруднительно. Можно предположить, что Миллер вернулся из зарубежного вояжа иным человеком – молодой успешный профессор, принятый как равный известнейшими европейскими учеными и научными обществами, избранный членом Лондонского королевского общества и т. п. Поскольку формальной причиной командировки Миллера явились кончина отца и необходимость решения семейных вопросов, то допустимо предположение о возможном получении части наследства, и если это так, то последнее обстоятельство также могло

вспоминал, что, вернувшись в Санкт-Петербург, он обнаружил в своей комнате взломанный секретер, из которого Шумахером были украдены многие научные статьи и корреспонденция, в частности «отсутствовали все письма, которыми мы обменивались с господином Шумахером в то время, когда он был в Москве»⁸.

На протяжении почти десяти лет, с августа 1733 по февраль 1743 гг., Миллер в составе Второй камчатской экспедиции путешествовал по Сибири, где проводил широкомасштабные научные изыскания в области истории, географии, этнографии, археологии, языкознания и др., а также по *собственной инициативе*⁹ собрал огромную коллекцию документальных памятников, большею частью в виде копий архивных материалов¹⁰. По возвращении из Сибирского путешествия Миллер активно занимался исследовательской и научно-организационной деятельностью. После принятия в 1748 г. российского подданства он в конце 40-х – начале 50-х гг. не раз сталкивался с репрессиями со стороны академического руководства, инспирированными коллегами по Академии наук. Ученый подвергался унижительным обыскам и временному аресту личного архива, а также понижению в должности – переводу из профессоров в адъюнкты. К середине 50-х г. благодаря неустанному труду положение Миллера несколько нормализовалось. В 1754 г. он был назначен конференц-секретарем Академии наук. На следующий год академик Миллер начал издавать знаменитый в истории русской периодики журнал «Ежемесячные сочинения...». На этот период приходится пик его творческой активности, которая нашла выражение и в количестве опубликованных новаторских сочи-

оказать влияние на его характер. Вероятно «новый», уверенный в себе Миллер не мог не раздражать Шумахера. Впоследствии в 1740-х гг., в тяжелый для Шумахера период, Миллер не принял участия в его окончательном сокрушении, надеясь, что тот оценит этот поступок. Однако Шумахер никогда с ним не примирился, хотя Миллер на склоне лет в «Истории Академии наук» писал, намеренно смягчая тона, что, несмотря на наступившее охлаждение, они внешне оставались в рамках дружеских отношений (*Миллер. Избранные труды...* С. 619).

⁸ Там же. С. 618.

⁹ В инструкции, данной Миллеру при отправлении в сибирское путешествие, не было ни одного пункта о сборе документальных материалов и тем более о копировании оных в местных архивах. См.: *Миллер. История Сибири...* Т. 1. С. 460–462.

¹⁰ Дальнейшая судьба этой коллекции сама по себе представляет примечательную историю: ее то изымали у Миллера, то вновь возвращали для работ по истории Сибири. Покидая Санкт-Петербург, Миллер в 1765 г. испросил у руководства Академии официальное разрешение на вывоз сибирских портфелей, хранившихся тогда в архиве Конференции, в Москву для продолжения исследований и при этом особо оговорил в своем прошении: «А дабы ничего онаго в случае смерти моей не утратилось, то не токмо здесь в приеме оных росписаться буду, но и там крайнее старание об них иметь обещаюся» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Порт. 394. Ч. 1. Д. 2. Л. 2об.). Миллер получил разрешение на вывоз сибирских материалов и в последующее время не было никаких попыток их утаивания. Например, в своей «Истории Академии наук» ученый написал буквально следующее: «документы из сибирских архивов коллежский советник Миллер увез с собой в Москву» (*Миллер. Избранные труды...* С. 482). Как писал А. И. Андреев, лучше других знавший историю фонда и ее сибирскую часть, в ответ на обращение руководства Академии Миллер в конце января 1770 г. отослал 34 тома копий документов сибирских архивов. Более того, вскоре Миллер отослал по просьбе Академии указатели к этим 34 томам, составленные для собственных нужд и за свой счет. (*Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 150–151).*

нений, несмотря на всевозможные чинимые ему препятствия, придирки и непонимание. При этом следует отметить, что преследования сопровождали ученого практически все время его проживания в Санкт-Петербурге. Среди наиболее яростных врагов Миллера следует назвать советника канцелярии Шумахера и Ломоносова, который в 1757 г. официально получил от президента особые полномочия наблюдать за всей научной и учебной деятельностью Академии наук. Последний период жизни Миллера (1765–1783) прошел в Москве, где ему удалось осуществить несколько крупных научных проектов и создать первую в нашей стране научную школу историков-архивистов и источниковедов.

Этот краткий экскурс в «карьерную» историю Миллера показывает, что в отдельные периоды он действительно занимал в Академии наук определенное административное положение, которое, однако, вовсе не предполагает возможности для самочинного распоряжения и тем более присвоения официальных документов. На первой же странице своего сочинения И. В. Тункина безосновательно утверждает, что Г. Ф. Миллер, используя свое служебное положение, собрал коллекцию из рукописей чужих научных трудов, делопроизводственных документов Академии и писем разных лиц. В таком контексте глагол «собрал» синонимичен «украл». Однако, зная принципы работы канцелярий государственных учреждений XVIII в., заложенные петровским «Генеральным регламентом», невозможно представить, чтобы сколько-нибудь существенные утраты официальной документации могли остаться незамеченными. Как уже говорилось (об этом же пишет и И. В. Тункина), архив и все бумаги Г. Ф. Миллера оказывались опечатаны, и их полистно досматривали бдительные члены специальной комиссии¹¹. Если бы при этом были найдены те материалы, о которых пишет автор статьи, то трудно даже представить, какие могли быть последствия. Но документы молчат. Нет ни слова на сей счет и в многочисленных яростных записках Ломоносова, обвинявшего Миллера – этого «заклятого врага всех честных людей»¹² – чуть ли не во всех смертных грехах. Если бы Ломоносов мог уличить своего неприятеля в хищениях, он без сомнения довел бы это дело до судебного разбирательства. Есть еще один и, пожалуй, самый главный аргумент против обвинений, выдвинутых автором статьи, – это документы самого архива Миллера: происхождение каждого «чужого» сочинения либо хорошо известно и неоднократно описано,

¹¹ История, связанная с «делом» Делиля и Миллера, многократно описана в названных работах Пекарского, Андреева и др. исследователей. Ироничное выражение Делиля в адрес Санкт-Петербургской академии наук «*corps phantastique*» (фантастическое общество), подсмотренное в частном письме к Миллеру, стало предметом долгого разбирательства, которое вылилось в позорный тщательный обыск каждого закоулка квартиры Миллера («осмотря во всех его каморах, сундуках, ящиках и кабинетах»), когда, по его же собственным словам, с ним поступали как с «государственным изменником, все у меня на дому находящиеся писма и письменные книги отобрали», сложили «в два большие сундука и один кулек» и вывезли в судейскую палату. Стремясь найти компрометирующие Миллера документы члены специальной комиссии в течение недели пересматривали все бумаги «лист по листу». ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 20. Л. 81. См. также: *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 173–186, 632–639.

¹² Это слова из неотправленного письма Ломоносова к Эйлеру, которое составлялось, видимо, после 16 февраля 1765 г., то есть в тот момент, когда Миллер был уже «одной ногой» в Москве. См.: *Ломоносов.* Полное собрание... С. 597.

либо легко объяснимо. Именно благодаря тому, что Миллер «подобрал» и сохранил документы замечательного ученого и государственного деятеля Хр. Гольдбаха, у которого не было наследников, Ю. Х. Копелевич и А. П. Юшкевичу удалось написать его научную биографию. Именно Миллер сохранил описание Москвы, сочиненное его учеником по академической гимназии Ф. А. Охтенским, и проч. Я уж не говорю про научный подвиг Миллера, скопировавшего в Сибири исключительной ценности документы как по региональной, так и по общегосударственной истории, причем большая часть подлинников в сибирских архивах впоследствии погибла безвозвратно. В этом плане наследие Миллера поистине неисчерпаемо и бесценно.

На первый взгляд несколько серьезнее выглядит обвинение И. В. Тункиной по поводу незаконности хранения в его личном собрании писем, которые проходили через почту Академии наук. Это вопрос довольно щепетильный. Но, во-первых, обвинения не могут носить общего характера и должны быть подкреплены конкретными примерами, а во-вторых – кто как ни архивисты и историки науки знают, какое неисчислимое количество подобного рода эпистолярных источников, некогда проходивших через почту государственных учреждений, хранится в фондах ученых (и не только!) и XVIII, и XIX, и XX вв. Стоит ли так категорично строго упрекать в подобных прегрешениях ученых, как известно, не самой богатой в России социальной группы, и тем более первых русских ученых, когда даже сегодня, в эпоху электронной почты, практически каждый научный сотрудник вынужденно совершает подобный «проступок»?

Миллер неустанно подбирал и сохранял даже обрывки документов, где бы он ни находился, всегда стремясь либо приобрести интересный документальный памятник, либо, если это невозможно, скопировать его. На этот счет в его архиве имеется множество свидетельств, как в виде сохраненных материалов, так и во многих письмах с просьбой разрешить сделать копии в тех или иных «партикулярных домах книг и записок». Таким образом в его собрании оказались сочинения Татищева, Сумарокова, Ломоносова, Рубана и многих других писателей-современников. В то же время и своими сочинениями, и действиями он показал себя как системно и государственно мыслящий человек и, кстати, задолго до формального принятия им российского подданства. Это, в частности, выражалось в его проектах (1740-х гг.) создания единого государственного центра по сохранению и концентрации архивных материалов и проведению на их основе соответствующих исследований. Будучи в Москве, он внес основополагающий вклад в создание первого государственного исторического архива – МАКИД – и постоянно стремился к его пополнению за счет вливания других архивов и фондов. Миллер как историк науки по собственному опыту отчетливо понимал, что только государственный архив может обеспечить сохранность его уникального собрания и уберечь от распыления. Именно в таком контексте и следует, на мой взгляд, рассматривать события, которые в конечном счете привели к «делке» Екатерины Великой с ученым.

В отличие от своих современников Миллер копировал все сколько-нибудь значимые документы. Даже в отдельном клочке текста он умел увидеть источниковую ценность и, подбирая подобные клочки подчас в последний момент, успевал спасти их от уничтожения и сохранить. И что уж совсем редкое явление, он добился необходимых условий для сбережения их на века. Во многих случаях ученый сохранял в своем архиве черновики, отдельные

редакции писем и официальных документов, писарские копии и проч. К составлению текстов (и не только научных сочинений) Миллер относился предельно внимательно. Поэтому именно в его архиве имеются уникальные корректуры XVIII столетия. Кроме этого всю свою жизнь он собирал библиотеку, затрачивая на эти цели существенную часть своих немалых по тем временам заработков. Так в 1759 г. (за двадцать лет до того, как он начал активные действия по передаче своего собрания!), обращаясь за субсидией для покупки каменного дома в Санкт-Петербурге, Миллер писал, что это необходимо сделать, дабы уберечь от пожара книги и манускрипты, поскольку «едва надежно чтоб кем когда такая коллекция опять была собрана»¹³. Хотя история книжно-документального собрания Миллера до сих пор специально не изучалась, тем не менее на этот счет сохранилось немало документальных свидетельств, многократно приводимых в трудах П. П. Пекарского, Н. В. Голицына и других авторов.

По меньшей мере странно читать ничем не подкрепляемые утверждения И. В. Тункиной о том, что принятие Г. Ф. Миллером российского подданства имело целью предотвратить незаконный вывоз им исторических документов за рубеж. Ничего подобного в тексте контракта, заключенного 20 ноября 1747 г., а не в январе 1748 г. (!), не содержится¹⁴. Возвращавшимся из Санкт-Петербурга на родину членам Академии, естественно, не запрещалось вывозить личное имущество, включая рукописи и книги. Так, отправленное Т. З. Байером в Германию собственное собрание книг и рукописей в конечном счете было распродано с аукциона и рассеяно. Миллер, хорошо знавший ценность «столь изысканно собранной библиотеки», глубоко сожалел об этой безвозвратной утрате. Случай с Ж. Н. Делилем не применим к Миллеру по своей сути, поскольку здесь имела место тайная пересылка из России секретных документов задолго до отъезда знаменитого астронома в Париж.

Видимо для того, чтобы усилить негативное впечатление от личности Г. Ф. Миллера, в статье И. В. Тункиной несколько раз говорится о нем как о человеке, отличавшемся конфликтностью в отношениях с коллегами, служебной недисциплинированностью и проч. На самом деле за прожитые семьдесят восемь лет (из них пятьдесят восемь – в России) у Миллера образовалось совсем немного врагов. Список настоящих недругов состоит из знаменитого деятеля Санкт-Петербургской академии первых десятилетий ее существования советника Канцелярии И. Г. Шумахера, другого академического чиновника, фаворита президента Академии графа К. Г. Разумовского Г. Н. Теплова и академика М. В. Ломоносова. Может быть, с некоторыми оговорками сюда можно добавить любителя истории П. Н. Крекшина, сочинившего фальшивую родословную Романовых, которую Г. Ф. Миллер разоблачил. В отместку Крекшин написал клеветнический донос и, вероятно, либо он сам, либо с подачи Шумахера, инициировал печально знаменитое разбирательство

¹³ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 6. Д. 5. Л. 10.

¹⁴ Материалы для истории... Т. 8. 1895. С. 607–609. Кстати, согласно 4 пункту контракта Миллер был «от лекций уволен» и определен ректором академического университета, и поэтому утверждение, повторенное И. В. Тункиной, о его пропусках в сентябре 1750 г. лекций не имеет смысла. 29 января 1748 г. Миллер присягнул на российское подданство. См.: Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 346.

(1749–1750) диссертации Миллера «Происхождение народа и имени Российскаго». Но этот, как и некоторые другие недруги, недруги, так сказать, ситуационные. Например, Разумовский подписал 6 октября 1750 г. примечательный указ с пространным списком «прегрешений» Миллера¹⁵, который и сегодня, спустя две с половиной сотни лет, невозможно читать без душевного смятения. Но тот же Разумовский утвердил весной 1754 г. Миллера в должности конференц-секретаря, а 31 августа 1762 г. передал в его ведение Географический департамент, что вызвало крайнее раздражение и бурный протест со стороны Ломоносова.

Мне уже доводилось ранее писать о том, что Миллер несмотря на свой подчас неукротимый темперамент (по всем сохранившимся отзывам современников он был человек живой и ироничный), никогда не выступал зачинщиком ссор. Все якобы многочисленные конфликты Миллера – не более чем устойчивый миф. Во всех известных и документально подтвержденных случаях Миллер – защищающаяся сторона. Так было и в его отношениях с Ломоносовым, который всю жизнь не мог простить Миллеру участия в коллективном протесте профессоров Академии наук, неоднократно оскорбленных в 1742 и 1743 гг. противоправными публичными выходками Ломоносова¹⁶. Хотя практически все документы по этой истории доступны и были опубликованы еще в XIX в., до сих пор подлинная история взаимоотношений этих двух замечательных деятелей русской науки и культуры XVIII в. не получила верного отражения. Табуированность этой темы, связанная с именем Ломоносова – ярчайшего национального гения, неизбежно влияла на односторонние и потому несправедливые оценки их действий. Это особенно ярко отразилось в комментариях к соответствующим томам полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, в составлении которых принимали участие выдающиеся ленинградские историки науки.

Отмечая конфликтность Г. Ф. Миллера, И. В. Тункина упомянула о профессоре академического университета Г. Ф. Федоровиче. Не вдаваясь здесь в существо конфликта, произошедшего в академической Конференции 1 декабря 1762 г., когда конференц-секретарь Миллер был вынужден вывести из зала, держа за рукав, мешавшего работать Федоровича, отмечу, что вся эта история и последовавшее разбирательство стали кульминацией их длительных и непростых взаимоотношений.

Миллера отличали одаренность исследователя и литератора, а как ученый и администратор он был человеком необычайного трудолюбия, образцом усердия и точности. Ярko выраженный экстраверт, он всегда и всячески поддерживал людей творческих, независимо от степени их таланта и тем более невзирая на их социальное положение¹⁷, но мог быть и нетерпимым к без-

¹⁵ Материалы для истории.... Т. 10. 1900. С. 581–586.

¹⁶ В документах имеется довольно подробное описание проступков М. В. Ломоносова, который, в разгоряченном состоянии находясь в зале академической Конференции, сквернословя, угрожал профессорам, оскорбляя словами (на немецком и русском языках) и жестами «ставил кукиши и бил в ладоши... говоря при том самая скверная мужицкая брани». См.: Материалы для истории... Т. 5. 1888. С. 748.

¹⁷ В этом плане примечательна фраза обиженного выдворением из академической Конференции Федоровича о том, что Миллер зачастую показывает «излишнюю учти-вость людям никакого звания не имеющим, прося их сесть в собрании с Академическими членами» (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 273. Л. 100).

дельникам и проходимцам любого происхождения. Именно в этой плоскости прошла линия, разделившая Миллера и Федоровича. Тот, по словам Миллера¹⁸, сначала служил секретарем в Медицинской канцелярии у архиатера Г. Каау-Бургаве, но был уволен и несколько лет не имел службы. Федорович просил Миллера способствовать его включению в штат Академии, однако получил отказ. Миллеру были известны причины его увольнения с прежнего места. Крайнюю неприязнь – «отвращение» – у ученого вызвали «подлые поступки» просителя, которые выразились в том, что свои просьбы тот подкреплял почти земными поклонами и «хотел целовать у меня руки и кавтан». Миллер, не желая связывать себя с таким просителем, отослал Федоровича в академическую Канцелярию. Не попав тогда в Академию, Федорович сумел получить место обер-аудитора в Адмиралтейств-коллегии, но, видимо, там также что-то не заладилось, и когда начали набирать преподавателей в открытый в Москве университет, он вновь просил Миллера рекомендовать его И. И. Шувалову на место профессора юриспруденции. Миллер снова ему отказал, поскольку не понимал, как человек, ничем не проявивший себя на ученом поприще, может претендовать на звание профессора. Здесь следует отметить, что и Миллер, и его товарищи по академическому званию чрезвычайно высоко ставили статус ученого и всячески его отстаивали. В третий, последний, раз Федорович просил у Миллера поддержки после того как образовалась вакансия в связи с отставкой профессора Ф. Г. Штрубе де Пирмонта. Получив от Миллера рекомендацию не оставлять должность в Адмиралтейств-коллегии «дабы в старости он не имел недостатка в пропитании», Федорович просил его хотя бы не чинить препятствий в осуществлении своих намерений. Наконец, не без поддержки Ломоносова Федорович в 1760 г. получил место профессора «российского права» в академическом университете. Таким образом, непростые взаимоотношения Федоровича и Миллера вплелись в тугой клубок внутриакадемических интриг, и потому эта история никак не может служить доказательством неуживчивости и склонности последнего к пустым конфликтам. Для справки отмечу, что Миллер в строгой оценке своего бывшего земляка был прав, и тот бесславно в 1770 г. был уволен со службы в академическом университете¹⁹.

Некоторое время меня занимал вопрос, как Миллеру, несмотря на присущие ему честолубие и неукротимый темперамент, удалось тогда выстоять и сравнительно быстро вернуть утраченные позиции. Ломоносов считал, что причина такой устойчивости Миллера кроется в высоких покровителях. Доля истины в этом наверняка есть. Миллер действительно был знаком со многими высшими чиновными и титулованными лицами Российской империи, и многие из них тепло и дружески к нему относились. Миллера лично знали

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 33. Л. 29–34об. См. также: *Ломоносов. Полное собрание...* С. 725–726.

¹⁹ О его качествах как профессора юриспруденции судить сложно. Учившийся в академическом университете А. Я. Поленов в августе 1762 г. заявил, что лекции Г. Ф. Федоровича для него бесполезны, поскольку все обучение сведено к диктовке «голых» дефиниций, «которые бездальнего труда и утраты времени можно легко и не требуя предводителя сыскать в лексиконе» (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 33. Л. 23–23об.). После этого А. Я. Поленова вместе с И. И. Лепехиным (будущим академиком) отправили на учебу в Страсбургский университет, впоследствии он дослужился до поста обер-секретаря Сената и получил чин действительного статского советника.

Елизавета Петровна, Екатерина II и, вероятно, другие правители государства. Однако причина расположения к ученому со стороны сильных мира сего кроется не в поддобио-страстном «искательстве», которым отличались практически все академические чиновники, начиная с Шумахера, а в том, что Миллер был невероятный труженик и великий профессионал. Многие десятилетия он не только наполнял своими новаторскими сочинениями русскую научную библиотеку, но и безукоризненно выполнял множество ответственных правительственных поручений, касающиеся сложных торгово-экономических, дипломатических, приграничных, внутривластных и прочих актуальных проблем государственного регулирования.

Историко-архивный сюжет, связанный с рассказом о судьбе собрания Миллера, занимающий основное место в сочинении И. В. Тункиной, я оставляю без обстоятельного критического разбора, хотя он также, как весь текст в целом, носит нескрываяемо тенденциозный характер²⁰. Сама по себе вся история с перипетиями собрания Миллера после его смерти неоднократно и довольно подробно описана в трудах П. П. Пекарского, Н. В. Голицына и других, в том числе в ряде новейших документальных публикаций, и рассматриваемая статья почти ничего нового не добавляет²¹. Коротко отмечу только наиболее яркие места в тексте, которые все же необходимо прокомментировать.

²⁰ Рассматриваемый здесь текст составлен таким образом, что буквально каждая строка требует опровержения или комментария. Для доказательства достаточно привести одну фразу. Например, И. В. Тункина пишет, что в миллеровской коллекции оказались «редчайшие издания М. В. Ломоносова, которые Миллер получил, находясь на посту конференц-секретаря Петербургской АН». Казалось бы, обвинительный жанр, в котором выступает автор, обязывает представлять конкретные и достоверные факты – какие именно издания и от кого были получены. Однако брошенная походя фраза повисает как мрачный приговор. А на самом деле, кроме рукописных копий сочинений Ломоносова, в основном поэтических, Миллер сохранил четыре печатных произведения: 1. «Запросы, которыми требуются... географическая известия...» 1760 г.; изданная тиражом 600 экз. эта анкета рассылалась при указе Сената в губернии и провинции; 2. Стихотворение «На Сарское Село» на 1 странице 1764 г. тираж 55 экз.; 3. Надпись для статуи «Се Елисавета Петра Великого великая дочь...». 1 лист рассылался приглашенным в Петропавловский собор на похороны императрицы. Тираж 1450 экз. на рус. яз. и по 200 экз. на нем. и фр. языках; 4. «Слово похвальное... Петру Великому...» 1754. 40 с. Произведение автор не успел закончить. Тираж неизвестен, должны были отпечатать 100 экз., но, возможно, сохраненный Миллером экземпляр был единственным. В РГАДА также сохранилось и возможно происходит из собрания Миллера «Известие о сочинении Российской минералогии» 1763. Тираж 500 экз. был отдан Ломоносову для рассылки на рудные заводы. Однако экземпляр РГАДА не уникален; такой же имеется в Центральной научной библиотеке Украины. Таким образом, эти малые сочинения были в свое время тиражированы и ходили по многим рукам. Тогда в чем же вина Миллера? В том что в отличие от современников все бережно сохранил, а на некоторых работах собственноручно делал еще аккуратные документирующие записи и даже на двух языках? Библиографическое описание см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975. С. 26–27.

²¹ *Пекарский*. История Императорской академии наук... С. 399–402; *Голицын*. Портфели Г. Ф. Миллера...; *Андреев*. Очерки по источниковедению Сибири... С. 149–164. Этот же текст в несколько расширенной редакции опубликован в: *Миллер*. История Сибири... С. 118–134; От Рейна до Камчатки: К 300-летию со дня рождения академика Г. Ф. Миллера. Каталог выставки. М., 2005. С. 56–66, 187–191; Исторический архив. 1997. № 3. С. 35–43; 2006. № 1. С. 29–63 и др.

На мой взгляд некорректен способ цитирования, применяемый И. В. Тункиной, в изложении которой получается, что Пекарский (см. сноску 25 в тексте статьи) будто бы утверждал: «Миллер сначала вывез в Москву значительный массив академических документов и не возвратил их в Архив Конференции АН, а затем продал их государству как свою собственность».

Без каких-либо комментариев привожу точную цитату из соответствующего сочинения Пекарского:

В то время [1830 г. — С.И.] в академических архивах никто не работал, и существовало несправедливое убеждение, что многих дел в них не сохранилось; а потому после донесения Гамеля явилась мысль, что хранящиеся в московском главном архиве бумаги Мюллера принадлежат Академии, откуда он их *будто бы* брал для составления истории ея и потом не возвратил ²².

Высказывание о том, что Миллер в процессе подготовки своего собрания к передаче в МАКИД очищал его от компрометирующих документов, не ново, но, насколько известно, ничем не подкреплено. Во-первых, любой человек имеет право распоряжаться по собственному усмотрению своим имуществом, и нельзя отказать в таком праве Миллеру. Во-вторых, после того, как его личный архив был арестован и досмотрен, утверждать, что там хранились компрометирующие Миллера документы периода конца 1740-х—начала 1750-х гг., по меньшей мере странно. Скорее можно допустить какие-то изъятия из архива Миллера после смерти ученого его преемниками по МАКИД в связи с известными событиями конца 1780-х гг., завершившимися весной 1792 г. разгромом компании Н. И. Новикова и его арестом. И потом, Миллер был, конечно, осторожным человеком, особенно после того как его несправедливо унижали и многие годы донимали всевозможными придирками. Но тогда почему, не страшась суровых мер, он не только собирал по самым горячим следам всевозможные документальные свидетельства о пугачевском бунте, но и сохранил эти материалы? В весьма сложной мотивации его действий и поступков ученый-исследователь практически всегда превалирует в нем над обывателем, ответственным за благополучие семьи и близких ему людей.

На основании свидетельств сотрудников Миллера считается, что в последние годы он «за слабостию своего здоровья» редко посещал МАКИД. Однако и это не совсем так. В РГАДА сохранились табели учета присутствия служащих МАКИД (так называемые «Нетные листы»), из которых следует, что в 1782 г. Миллер редко посещал Архив в зимние месяцы, но с марта по август достаточно регулярно — до 17 присутственных дней в месяц. Такая же картина в 1783 г. Судя по сохранившимся документам, последний раз Миллер побывал в МАКИД 27 сентября в 12 часов, то есть за две недели до своей кончины 11 октября ²³.

²² Пекарский. История Императорской академии наук... С. 401. Курсив мой — С. И. Буквально на следующей 402 странице Пекарский написал следующее: «В недавнее время возникло было предположение передать библиотеку сказанного архива, а стало быть и бумаги Мюллера в другое ведомство, но к счастью для этого старейшего и важнейшего из русских архивов, при котором с давних времен образовалась соответствующая его целям библиотека книг и рукописей, предположение это осталось без осуществления».

²³ Илизаров С. С. Кончина «безсмертного мужа». Записка М. Н. Соколовского о Г. Ф. Миллере. 1783 г. // Исторический архив. 2006. № 1. С. 38.

Таким же устойчивым стереотипом, но существенно больше искажающим реальность прошлого, является мнение о невостребованности архива Миллера в течение пятидесяти лет после его смерти. Это утверждение некоторых (в основном петербургских/ленинградских) исследователей (П. П. Пекарский, А. И. Андреев и др.) вновь преподносится как истина И. В. Тункиной. Однако оно свидетельствует о незнании, либо недооценке истории архивного дела в России. Наша страна (точнее, правители и чиновники), как известно, всегда отличалась склонностью к чрезмерной секретности и потому попасть в государственные архивы без высшего, а то и монаршего соизволения было в XVIII и XIX вв. попросту невозможно. МАКИД – это не только хранилище исторических источников, но и архив дипломатического ведомства, и Миллер при вступлении в должность подписал 18 апреля 1766 г. реверс, которым давал клятвенное обещание «всяким образом не нарушимо содержать в крайнем секрете и отнюдь не сообщать никому ничего без точного повеления главных»²⁴. Тем не менее с так называемыми портфелями Миллера работали многие. Сразу после смерти ученого Екатерина II, ознакомившись с описями его собрания, распорядилась прислать заинтересовавшие ее рукописи. Затем все подлинники по описи она вернула в МАКИД, а то, что требовалось для ее личных занятий (как известно императрица продуктивно реализовывала себя и на ниве отечественной истории), было скопировано. Материалами собрания Г. Ф. Миллера и при его жизни, и позднее пользовался историк князь М. М. Щербатов, который почитал ученого как своего учителя. Выдающийся издатель и просветитель Н. И. Новиков, крупнейший археографический проект которого – «Древняя Российская Вивлиофика» – в значительной мере базировался на миллеровских материалах, получил именное разрешение Екатерины II на публикацию исторических документов МАКИД. Не приходится говорить о том, что воспитанные Г. Ф. Миллером в МАКИД сотрудники и его духовные наследники, такие крупные специалисты как Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, Л. М. Максимович по должности занимались обработкой книжного и документального собрания своего учителя, а затем продолжили его многие исследовательские, публикаторские и архивные начинания. Прямыми продолжателями одного из главных миллеровских проектов последних лет – издания корпуса историко-дипломатических документов – стали члены знаменитого «Румянцевского кружка», в который входили К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, М. П. Погодин и др. Строеву принадлежит вторая по времени публикации биография Миллера, написанная в восторженных тонах. Материалы МАКИД (с 1832 г. – МГАМИД) изучал выдающийся ученый и первый русский биограф Миллера митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), а также академик Ф. И. Аделунг и др. В начале XIX в. разрешение работать в МАКИД получил Н. М. Карамзин, причем с мая 1805 г. архивные материалы доставлялись ему домой, и эта практика продолжилась и после переезда историка в Санкт-Петербург. Кстати говоря, следов творческого наследия Миллера в исторических и историко-литературных трудах Карамзина много больше, чем это видится невооруженным взглядом.

Хорошо известно, что документы МАКИД и непосредственно портфели Миллера изучал А. С. Пушкин. Одним из условий допуска поэта к государст-

²⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42. Л. 110.

венным архивам стало возобновление им 14 ноября 1831 г. службы в Коллегии иностранных дел, а чуть раньше он получил разрешение работать в архивах империи от самого Николая I. В июле 1831 г. в письме к П. В. Нащокину Пушкин писал: «Нынче осенью займусь литературой, зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем»²⁵. В 1835 г. Малиновский, отсылая в Санкт-Петербург для Пушкина, работавшего над историей Пугачева, тематические подборки документов, собранные в свое время Миллером и Бантыш-Каменским, просил по миновании надобности возвратить дела в МГАМИД. Однако эта просьба столичными чиновниками оказалась не исполнена, документы остались в Санкт-Петербурге и долгое время считались утраченными²⁶. Так что «перетаскивание» архива Миллера из Москвы в Санкт-Петербург в XIX в. проводилось не только усилиями Академии наук. Именно в «пугачевском портфеле» Миллера Пушкин нашел документы об офицере М. А. Шванвиче, послужившем прообразом Алексея Швабрина в «Капитанской дочке». Последний раз Пушкин мог работать с архивными документами из собрания Миллера весной 1836 г. 11 мая он писал из Москвы в Санкт-Петербург жене: «Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу – в архиве не роюсь», а спустя несколько дней – «В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть [...] Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижу дома – вижу только мужеск пол. Пешком не хожу, не прыгаю – и толстею»²⁷.

Легко понять негодование оскорбленного Малиновского, когда академиком И. Х. Гамелем – химиком-технологом по основной профессии, была пущена ложная информация, что он явился первооткрывателем портфелей Миллера. Петербургские академики к тому времени забыли собственное прошлое, им было недосуг заглянуть в свои кладовые, где пылились без надобности собственные архивы, и потому они несколько наивно полагали, что ими в Москве оказалась случайно найденною документальная база истории Академии науки и Второй камчатской экспедиции.

Управляющий МАКИД Малиновский, человек известный и уважаемый, протестуя, писал 14 апреля 1830 г. К. В. Нессельроде:

Пятидесятилетняя моя служба приучила меня дорожить вверенными мне бумагами и считать Архив Российскойю энциклопедиею, где сосредоточиваются все отрасли государственного управления не исключая и свободных наук... ...я не мог равнодушно прочесть употребленного г. Гамелем выражения, будто он отыскал требуемая Академиею портфели. Он воспользовался мнимым своим отыскиванием тогда, как я при нем показывал посетившему Архив г. Гумбольту разная бумаги, имеющие отношение к учености, и особенно к Минералогии и Геогностики. Сделайте милость Ваше Сиятельство удостоьте сказать мимоходом Его Светлости Министру Просвещения, что Миллеровы бумаги хранились у чиновников Ваших, знающих цену оным. Всякой, кому показываются

²⁵ Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1958. Т. 10. С. 367. См. также письма 1833 г. Пушкина к военному министру графу А. И. Чернышеву с просьбой знакомиться с материалами ведомственных архивов по истории Суворова и Пугачева (Там же. С. 426–429). Кстати, документы из архивов Пушкину привозили на дом.

²⁶ Подробнее см.: Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949. С. 95–103; Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969. С. 169; Его же. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1985. С. 31.

²⁷ Пушкин. Собрание сочинений... С. 579, 581.

хранящиеся в Архиве бумаги, не менее г. Гамеля, легко *отыщет* замеченное. Убеждаю Вас, благодетельного Начальника сею просьбою для того, чтоб князь Ливен не счел и меня за невежду, а сие предосудительно будет для всего Московского университета, потому что я член всех ученых Обществ онаго ²⁸.

Таким образом, разговор об использовании собрания Миллера после его кончины – это разговор о мере использования и, более того, – лишь в качестве источника по истории науки и истории Санкт-Петербургской академии. Но до середины XIX в. история Академии наук как государственного учреждения и история ее наиболее знаменитых членов – Миллера, Эйлера, Ломоносова и др. не находилась, мягко говоря, в центре внимания исследователей. Образовавшаяся в 30-х гг. XIX в. в Санкт-Петербургской академии наук часть фонда Миллера становится востребованной лишь с середины пятидесятых годов. С этого времени сначала академик А. А. Куник, а затем П. П. Пекарский, П. С. Билярский, В. И. Ламанский и др. стали изучать и публиковать материалы по истории Академии наук. Тогда же или чуть позже возникает академическое ломоносоведение, инициированное столетним юбилеем со дня смерти ученого и, кстати, в значительной мере подогреваемое московскими представителями общественной мысли того времени ²⁹. Но из того факта, что материалы миллеровского фонда МАКИД не интересовали петербургских академиков (что вполне естественно в силу практически полного отсутствия там профессиональных историков), вовсе не вытекает вывод о полувековом забвении собрания Миллера, которое несоизмеримо шире, чем только источник по истории Академии наук. Не только в России, но и за рубежом никогда не забывали об этом собрании. Характерно, что ко времени активизации изучения собственной истории внутри Санкт-Петербургской академии относится и публикация в 1854 г. в журнале «Современник» обширной статьи С. М. Соловьева, который называл Миллера великим «трудолюбцем» и впервые в печати указал на богатое содержание миллеровских портфелей ³⁰.

* * *

Я хотел подробнее писать о друзьях Миллера – его учениках и коллегах, последователях, читателях, исследователях – историках, этнографах, географах, археологах, лингвистах, славяноведах, востоковедах и специалистах по западной истории, историках науки и промышленной археологии, историках литературы и изобразительного искусства, москвоведах, сибиреведах, краеведах и так далее... почти до пределов границ интеллектуальной истории XVIII столетия, истории непосредственно переходящей в наше настоящее. Но в журнальном формате это невозможно, а в конце написания заметок мне и вовсе представилось, что в этом нет нужды. Повод не тот.

²⁸ РГАДА. Ф. 31. Текущие дела Госархива. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–5. Впервые опубликовано в: Голицын. Портфели Г. Ф. Миллера... С. 59. Документ воспроизведен недавно с многочисленными текстологическими погрешностями в: Исторический архив. 2006. № 1. С. 58–59.

²⁹ Связано это со сложными процессами, проходившими в условиях системного кризиса Российской империи, с ростом общественного сознания и усилением внимания к истории отечественной культуры. Однако эти вопросы – вне рассматриваемой здесь темы.

³⁰ Соловьев С. М. Герард-Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. Т. 47. Октябрь. С. 115–150.